

А. В. Коровин

РОМАНТИЧЕСКАЯ ПРОЗА Б. С. ИНГЕМАННА

Значительная роль в становлении и формировании датского романтизма принадлежит Бернхарду Северину Ингеманну (Bernhard Severin Ingemann, 1789–1862) — автору первых национальных исторических романов. Огромное влияние на него оказало творчество В. Скотта и Э. Т. А. Гофмана: при всей самобытности таланта писатель не смог избежать не только следования, но и прямого подражания английской и немецкой романтической литературе. К. Ф. Тиандер отмечал: «Под его пером Средние века представляли сказочно красивым временем, когда «жить и мечтать» и «жить и томиться» стали равносильными понятиями»¹. В 1826 г. выходит его первый роман «Вальдемар Победитель» (Valdemar Seier), вслед за которым появляются другие: «Детство Эрика Менведа» (Erik Menveds Barndom, 1828), «Король Эрик и изгнанники» (Kong Erik og de fredløse, 1833), «Принц Отто Датский и его время» (Prins Otto af Danmark og hans Samtid, 1835). По существу историческими романами Ингеманна открывается новая эпоха развития датской прозы — роман наряду с другими прозаическим жанрами становится полноправным жанром высокой литературы. Романы писателя составили его славу и оказали в целом влияние на развитие литературы в Дании. Пробудившийся интерес к древнескандинавской поэзии и саговому творчеству открывал простор поиску новых путей повествования в литературе, но, увлеченный религиозной идеей и романтическими исканиями некоего «чистого духа», Ингеманн не готов воспринимать Средневековье в том

© А. В. Коровин, 2012

незавуалированном виде, каким оно предстает в сагах, даже если сравнивать его со Скоттом, стремившимся передать нравы и обычаи описываемого времени наиболее точно. Романы Ингеманна были явлением современным, новым, но не совсем оригинальным. Уже в конце XIX в. читатель потерял к ним интерес, которые стали восприниматься как вычурные и устаревшие, в то время как малая проза датского писателя продолжает вызывать интерес.

Ингеманн писал романтические новеллы и литературные сказки, которые появились раньше романов, сочинял их на протяжении всей жизни. Поэтика и стилистика его малой прозы значительно отличаются от стилистики его романов и поэтических произведений, поскольку в ней повествование строится на романтических контрастах и сложных психологических коллизиях. Датская исследовательница М. Анхёй-Нильсен указывает на эту черту: «Общепринятый образ Ингеманна — это добрый, по-детски чистый поэт, живущий в идиллическом Сорё. Но не совсем верно, что в своих произведениях Ингеманн придерживался лишь светлой линии, по правде, через все его творчество от первых до последних текстов пробивается более зловещий цвет, исходящий из демонических глубин жизни. Эта другая сторона Ингеманна особенно заметна в его сказках и рассказах и проявляется в изображении раздвоенности личности и раздробленной реальности»².

Первая сказка Ингеманна «Хроники Хелиаса и Беатрисы» (*Krønike om Hr. Helias og Jomfru Beatricia*) была опубликована в 1816 г. В ней обыгрывается весьма распространенный сюжет о лебедином рыцаре, известный еще по «Парцифалю» Вольфрама фон Эшенбаха, сказка не была воспринята как оригинальная и большого интереса не вызвала. Ее основная идея — столкновение в человеке демонического и небесного, одержать победу над первым можно только с опорой на веру в Бога и духовную любовь. У слова «сказка» на том этапе еще не появилось значения, которое оно приобретает у Андерсена, и оно не несет в себе элемента связи с народной датской культурой, а в большей мере в названии жанра ощущается связь с немецкой традицией волшебной прозы. Сказка «Подземные духи» (*De Underjordiske*) появляется в 1817 г., в ней обыгрывается сюжет борнхольмского предания о подземных обитателях, что свидетельствует о стремлении автора обратиться к национальному материалу.

События новеллы «Алтарный образ в Сорё» (Altertavlen i Sorøe) из сборника «Сказки и рассказы» (Eventyr og Fortællinger, 1820) разворачиваются в XVII в., а текст насыщен атрибутами времени — можно считать, что это первый подступ Ингеманна к историческому роману, хотя в основе коллизии лежит традиционный для новеллистической поэтики мотив предательства. Молодой граф Отто, недавно вернувшийся из-за границы в свое имение, отправляется посетить Франца — бывшего лакея его отца. Молодой граф хочет узнать тайну слов, сказанных его матерью перед смертью, но влюбляется в дочь Франца Джулиану. Мотив тайны становится ключевым, переплетаясь с любовной историей. В местной церкви художник расписывал алтарь, увидел лицо Франца и написал с него образ Иуды. Когда Франц узнает себя в Иуде, то выбегает из церкви и вешается на иве. Граф расстается с Джулианой, тоже его полюбившей, и уезжает в Америку, где вскоре гибнет. Разгадка страшной тайны содержалась в письме, которое оставил Франц, оказавшийся убийцей — он дал своему больному хозяину смертельную дозу лекарства, потому что был любовником графини, а Джулиана — это сестра Отто. Любовь молодых людей не умирает, она продолжает жить в душах несчастных и возвышенных героев. Авантюрный элемент в данном случае оказывается в подчиненном положении по отношению к изображению переживаний и душевных терзаний героев, что можно рассматривать как элемент психологического анализа. В этой новелле нет фантастического компонента, но присутствует характерный для романтизма мотив инцеста, а также обращение к историческому прошлому, правда, писатель не придерживается принципа исторической достоверности. Создавая своих героев, он наделяет их всеми качествами, присущими людям вообще, даже несколько их гипертрофируя, чертами рефлексии героев современной ему литературы, что добавляет оттенок назидательности. Ингеманн скорее стремится воссоздать некий романтизированный образ Средних веков, чем пойти по пути детального изучения изображаемой эпохи. Прошлое у Ингеманна все же не носит столь отвлеченного характера, как у немецких романтиков, хотя в целом оно сильно «облагорожено», но и насыщено реалиями быта, тем, что принято называть «местным колоритом».

В 1827 г. вышел сборник «Новеллы» (Noveller), под «новеллой» в то время понимался рассказ о реальной действительности, что наблюдается в творчестве С. С. Бликера, Т. Пюллембург и П. Мёллера. Язык новеллы приближен к языку повседневного общения, чего в принципе не могло быть в романтических текстах А. Г. Эленшлегера, и что стало нормальным в произведениях Х. К. Андерсена. В новелле «Проклятый дом» (Det forbandede Huus) события разворачиваются в современности — читатель знакомится с семьей столяра Франца, его молодой женой Йоханне и маленьким ребенком. Они решают выкупить старый дом, некогда принадлежавший дяде Йоханне — учителю Франца. Когда молодой человек был за границей, дядя утонул, его смерть сочли самоубийством. Дом и все имущество перешло к некому господину Сторку — соседу дяди, поскольку умерший был объявлен банкротом. В последнее время дом пользовался плохой репутацией, так как поселявшиеся в нем люди умирали, но Франца это не остановило, и дом был куплен. Сложные и страшные события новеллы разрешаются благополучно после того, как находят старую Библию с бумагами дяди, из которых становится ясно, что Сторк повинен в его смерти. Францу ночью является призрак, который раскрывает место, где зарыт труп дяди. Сторк наказан, а молодая чета обретает семейное счастье и благополучие. «Рождество пришло к маленькой счастливой семье, живущей в бывшем доме столяра Флока на канале. Ребенок здоровый и довольный сидел на коленях своей прекрасной матери. И молодой мастер Франц, светящийся от счастья, поднял старый семейный кубок с вином: Счастливого Рождества, моя Йоханне! — произнес он в волнении. — Кажется, прошло только четырнадцать дней, но теперь мы сидим в своем собственном доме как богатые молодые люди. Так, как желал нам твой покойный дядя»³.

Библия становится важным символом, соединяющим различные миры. Появление символа в художественном тексте приводит к усложнению его структуры, к противопоставлению реальности и духовного (потустороннего) мира, что характерно для мистического романтического мировосприятия. Невероятные события, связанные с вмешательством неземных сил, происходят на фоне картин жизни и быта обыкновенных людей, правда, это не филистеры, не обыватели в романтическом понимании, поскольку они,

обладая чистой душой и искренней верой, способны увидеть мир идеальный, соседствующий с действительностью.

В сборнике 1835 г. есть некоторая связь между текстами, обычно отсутствующая у Ингеманна: новеллы «Оборотень» (Varulven), «Живой мертвец» (Den levende Døde) и «Корсиканец» (Corsicaneren) представлены как письма от некоего сельского пастора. Они в наибольшей мере находятся в связи с традицией преданий, поскольку в народной среде вера во всякого рода сверхъестественное очень сильна. Новелла «Оборотень» — это странная трогательная история о молодом человеке, который вообразил себя оборотнем. Он был помолвлен с прекрасной и доброй девушкой — дочерью лесника, но прямо пред алтарем в день свадьбы упал без чувств, и бракосочетание пришлось отложить. Герой уходил на долгое время из своего дома, потом спустя месяцы возвращался, никто не знал, где он был и что с ним происходило. Когда он жил в своем доме, то в основном время проводил на охоте, играл на валторне и пел песни, которые никому не предназначались, но пастор, живший неподалеку, слышал их странные и грустные слова. «Они выражали главным образом его глубокую скорбь о том, что его состояние причиняет его любимой страдание. Он обвиняет себя в том, что он чудовище, которое виновато в том, что ее жизнь проходит зря»⁴. Именно эти песни и становятся главным инструментом познания души героя, в драме которого пытается разобраться старый пастор. Ингеманн прибегает к довольно интересному средству создания психологизма: самоанализ осуществляется в лирических текстах, выражающих страдание души. Это весьма оригинальный прием, подсказанный практикой романтизма, где поэтический текст зачастую более информативен, чем прозаический. Семь лет продолжалась эта странная помолвка, и однажды все-таки решено было заключить брак, но ему не суждено было состояться, поскольку жениха нашли застреленным в лесу. Так и осталось невыясненным, убийство это было или самоубийство, его невеста умерла через три дня. Народные поверья здесь служат лишь фоном для истории, которая вполне могла бы произойти в реальности. Это произведение становится значительным шагом на пути создания психологической новеллы, где внутренним противоречиям и парадоксам человеческого сознания уделяется главное место.

В новеллах и сказках Ингеманна трудно усмотреть прямую связь с конкретными фольклорными текстами, но в письме к Х. К. Андерсену он говорит о своих пристрастиях в искусстве: «В сказке, в мире призраков, в восточной поэзии, во всем магическом и таинственном, в удивительном мире сказаний и так называемых народных поверьях, в целом в презируемой сфере, нахожу я бесконечное богатство поэзии. Я больше нахожу правды и мудрости в бабушкиных сказках, чем в тонкостях философских систем»⁵.

Сборник «Новые сказки и рассказы» (Nye Eventyr og Fortællinger, 1847) включает разные по объему и содержанию тексты, где главной темой остается раздвоенность человеческого сознания и многомерность бытия. В новелле «Воззвание к себе» (Selv-Citationen) возникает анекдотическая ситуация, когда студенты ведут разговор о возможности обратиться к своему внутреннему «я», духовной сущности, если громко назвать себя на кладбище и тем самым получить предупреждение или предсказание. Студент теолог Хольм решат проделать этот эксперимент: «Он чувствовал отвращение к жизни в ее обычном течении, все ему представлялось глупым и бессмысленным и потеряло всякую привлекательность, он был уверен, что девушка, на которую были обращены все его земные надежды, не любит его. Лучшим выходом в данный момент казался ему прыжок за пределы обычной действительности, если даже этот прыжок и стоил бы ему жизни, которую он презирал...»⁶. Хольм взывает к себе на копенгагенском кладбище «Ассистанскиркегор» и слышит голос своего внутреннего «я», который предупреждает его о том, что в нем может одержать верх третья составляющая часть его личности — демоническая, и ступить его. Хольм решил, что, возможно, это кто-то из друзей сыграл с ним шутку, но призадумался о смысле сказанного, отбросил все мысли о самоубийстве, несчастную любовь, закончил курс, стал пастором и счастливо женился. В этой новелле можно дать двойное толкование развязки: как фантастическое, так и вполне рациональное. Столкновение повседневности с необъяснимым миром воображения характеризует малую прозу Ингеманна.

Определяя основные черты датской литературы, Ингеманн писал: «Есть два основных элемента в датском сознании, которые в своем развитии должны были противодействовать друг другу и находиться в равновесии, чтобы обеспечить бытие и гармонич-

ное развитие: это глубина и оптимистическая легкость, чувство и рассудительность. Неудержимое воображение присутствует в них обоих. Чувство может быть мечтательным, а разум острым — и оба этих элемента стараются победить друг друга, но в своем стремлении они с переменным успехом определяют баланс между идеалистами и реалистами, между праведной религиозностью и следованию природе, между глубокой серьезностью и легкой шуткой, между трагическим и комическим, между положительным и отрицательным, то, что редко соединяется в отдельных личностях, но имеет точку соприкосновения в глубокой серьезности, разбавленной юмором и живой иронией. Все это в большей или меньшей степени является серьезной причиной для датского поэта сохранить двойственность»⁷.

Новелла «Школьные товарищи» (Skolekammeraterne) из сборника «Четыре новых рассказа» (Fire nye Fortællinger, 1850) — довольно сложный в композиционном отношении текст, поскольку автор сознательно нагнетает ситуацию, а развитие сюжета стремительно меняет свой вектор. Все начинается с рассказа о молодом враче Кристиане Вальмане, влюбленного в дочь коммерсанта Фалька Амелию. Он даже получает от нее кольцо в знак любви, но узнает, что она выходит замуж за графа фон Швальбена. Отчаявшейся Вальман идет в кабак, где встречает своего школьного товарища Матиаса, который стал известным магнетизером и магом. Он обещает Кристиану вернуть невесту посредством магнетизма. Далее Вальман с трудом отдает себе отчет в том, что происходит, реальность теряет свои привычные контуры: герой оказывается в мире, где он богат, является женихом Амелии, все в его жизни хорошо, но на утро он просыпается в своей кровати с горстью стекла в кармане вместо золотых. Все, что происходит с Вальманом в дальнейшем, — это сплошная фантазмагория, где бред и реальность перемешиваются.

Свадьба Амелии с графом расстраивается — граф оказывается поддельным, переодетым актером, ассистентом Матиаса, который устраивает в самом шикарном отеле показательные выступления, куда приезжает и господин Фальк со своей дочерью. Вальман надеется, что это поможет ему добиться руки его возлюбленной. Но после выступления Фальк отказывает ему от дома. В дом к Матиасу приходит полиция, выясняется, что для своих фокусов он ис-

пользует сильные галлюциногены, но ему удастся скрыться, бежит с ним и несчастный Вальман. Прошло двадцать лет, Амелия вышла замуж за своего кузена Кнудсена, у них все благополучно, но горе омрачило их счастье — умер старший сын Кристан, который был странным и очень ранимым молодым человеком. Однажды отец отправляется на кладбище вечером и видит, что могилу его сына пытаются ограбить те, кто поставляет тела анатомам. Среди них опустившиеся Вальман и Матиас. Когда они открывают гроб, то Вальман видит умершего, и его поражает сходство с собой. Тут появляется господин Кнудсен и многое понимает. Его жена все эти годы любила Вальмана, их первый ребенок поэтому так на него и походил. Вальман узнал в умершем себя и ощутил всю степень своего падения. Он возвращает кольцо, подаренное ему Амелией, и умирает. Кнудсен велит его похоронить рядом со своим сыном. Когда Амелия узнает всю историю и получает назад кольцо, то наконец-то обретает покой и надежду на счастье. Все события развиваются на фоне вполне реальной действительности, но и здесь утверждается доминанта мира духовного вполне в романтическом ключе. Эта новелла стала одним из самых серьезных попыток изобразить то, что получит название подсознание.

В настоящее время интерес к прозаическому наследию Ингеманна поддерживается благодаря его новеллистике, а не романному творчеству. Романы датского писателя уже давно воспринимаются как сугубо историко-литературный факт, своего рода свидетельство роста датской литературы, а в новеллах наблюдается серьезный интерес к человеческой психологии, что характеризует и современную литературу. Ингеманн изображает своих героев в пограничных, аномальных душевных состояниях, порой трудно понять, что внушение, а что реальность, где фантазия, а где жизнь. Для выражения раздвоенности человека Ингеманн обращается к форме фантастической новеллы, характерной чертой которой является столкновение двух миров: фантазии и действительности, и остается только решить, какой из этих миров является истиной реальностью. Человек предстает в его произведениях как жертва сверхъестественных или непознанных сил, которые вторгаются в его жизнь и определяют ход событий. В творчестве Ингеманна намечается путь становления новых прозаических форм, в том числе психологической новеллы.

¹ Тиандер К. Ф. Эленшлегер и датский романтизм // История западной литературы. М., 1913. Т. 2. С. 243.

² *Ankhøj Nielsen M. Efterskrift // Ingemann B. S. Fjorten Eventyr og Fortællinger. København, 1989. S. 223.*

³ *Ingemann B. S. Fjorten Eventyr og Fortællinger. København, 1989. S. 110.*

⁴ *Ibid. S. 120.*

⁵ <http://www.ingemann-selskabet.dk/citater.html>

⁶ *Ingemann B. S. Op. cit. København, 1989. S. 130.*

⁷ *Ingemann B. S. Nationalcharacterens Grundelementer // Haandbog i Dansk Litteratur. København, 1937. Bd 1. S. 8.*

Andrey Korovin

BERNHARD SEVERIN INGEMANN'S ROMANTIC PROSE

This article focuses on prose works by Bernhard Severin Ingemann (1789–1862) — one of the most prominent Danish romantic writers. He was a poet, a novelist, an author of short stories and fairy tales. He wrote the first national historical novels but now they are of the academic interest mostly. In our days Ingemann's sort stories are relatively popular because they deals with deep human psychology and sometimes with the subconscious sphere. The romantic fantasy and the traditional opposition of the reality and the supernatural world became types of means for creation of the psychological conflict in this sort of texts. Ingemann's short prose could be considered as the first examples of Danish psychological short stories.